

А.В. Яганов, Е.И. Рузаева

Иоаннисян О.М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // *Δωρεά: К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой: сб. ст. / Отв. ред. М.А. Орлова. Государственный институт искусствознания, 2022. С. 152–163*

Предлагаемой читателю статьей мы продолжаем полемику о ранних этапах строительной истории ансамбля Спасского монастыря в Ярославле, отправной точкой для которой стала публикация О.М. Иоаннисяном результатов проведенных здесь архитектурно-археологических исследований [Иоаннисян, 1997]. Основной задачей полевых работ 1982–1986 гг. Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа¹ была локализация и изучение упомянутого в летописях памятника — каменного Спасского собора, заложенного в 1216 г. ростовским князем Константином Всеволодовичем.

О.М. Иоаннисян разработал концептуальные положения истории строительства и этапов строительной истории этого здания начала XIII в., которые, по его мнению, «получили признание в науке» [Иоаннисян, 2022. С. 152]². Суть их состоит в том, что при раскопках Спасского храма 1216 г. археологами был выявлен еще один объект — доселе неизвестная Входиерусалимская церковь 1218 г. Оба памятника, по мнению автора, составили оригинальную архитектурную композицию с необычной конструктивной особенностью — «общей стеной» для обоих зданий. Сложностью и нелогичностью этих построений вызван наш интерес к ярославскому Спасу.

Отправной точкой для нашей работы стало обращение к письменным источникам о Спасской церкви 1216 г. и анализ степени их достоверности. В 2004 г. мы детально осмотрели памятник, в том числе и выявленные в 1982–1986 гг. конструкции, часть которых не была законсервирована после

¹ Начальник экспедиции П.А. Раппопорт (в 1983 г.); начальник отряда О.М. Иоаннисян.
² О них упоминается в общих работах: [Выголов, 1994. С. 27–29; Никитин, 1998. С. 16; Анкудинова, Мельник, 2002. С. 4–6], краеведческих изданиях: [Рутман, 2005. С. 310], путеводителях по Ярославлю: [Добровольская, Гнедовский, 1981. С. 38; Блажевская, 2003. С. 58, 62–64].

завершения работ. Результатом стала предварительная публикация, где была предпринята попытка критически оценить версию О.М. Иоаннисяна, основываясь исключительно на его статье 1997 г. [Яганов, Рузаева, 2006].

Новая возможность пополнить сведения о памятнике появилась в 2008 г., когда в Спасском монастыре Ярославской экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой проводились охранные археологические работы, связанные с разработкой проекта вертикальной планировки территории; они способствовали продолжению изучения Спасской церкви начала XIII в.³ Их результаты, хотя и со значительной задержкой, были изложены в статье, где отношение авторов к выводам предшественников базируется на собственных наблюдениях, сделанных в ходе натурных исследований [Яганов, Энговатова, Рузаева, 2022]⁴. Кроме того, мы обращались к ярославскому Спасу в узкотематических работах, посвященных характеристикам строительных материалов домонгольских зданий Ярославля и атрибуции найденных при их раскопках фрагментов белокаменной резьбы [Яганов, Рузаева, Энговатова, 2020].

В 2022 г. О.М. Иоаннисяном опубликована новая статья, которая должна была доказать ошибочность наших положений по строительной истории ярославского Спаса и правоту его собственных взглядов на проблему [Иоаннисян, 2022]. Впрочем, аргументация автора целиком повторяет изложенное им в 1997 г., и большинство ее главных тезисов так или иначе были прокомментированы в наших предыдущих работах. Оставаясь при своем мнении, он тем не менее не приводит ни одного существенного контрдовода на представленные нами возражения.

При сложившихся обстоятельствах мы посчитали, что важнее проследить последовательность формирования самой концепции домонгольского строительства в Спасском монастыре и понять, насколько она базируется на конкретных археологических наблюдениях, или же в ней превалируют субъективные построения.

В 1958 г. в присутствии М.К. Каргера были заложены четыре шурфа: у восточного фасада и в палатке под северной папертью близ северо-западного угла Спасского собора, а также у северной стены церкви Ярославских чудотворцев. Результаты этих разведок представлены несколькими обмерными чертежами и фотографиями, судя по которым, «раскопы» представляли собой бесформенную канаву шириной от 1,2 до 2,0 м, которой были окопаны фундаменты южной и большей части центральной апсид Спасского собора 1515 г. Стратиграфическая ситуация изображена достаточно условно: видимо, исследователя более интересовал фундамент собора. Фотофиксация

³ Энговатова А.В. Отчет по результатам научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на территории Спасо-Преображенского монастыря в г. Ярославле в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 44219.

⁴ После выхода нашей статьи в 2006 г. авторы Истории ярославской археологии привели оба мнения по поводу интерпретации Спасской церкви [Аграфонов, Праздников, Спиридонова, 2009. С. 196–197].

представлена снимками общих видов, сделанными с неудачных, дублирующих друг друга точек. В целом имеющаяся документация не позволяет полноценно судить о сделанных тогда наблюдениях.

Э.Д. Добровольская кратко изложила сведения, касающиеся фундаментов церкви Ярославских чудотворцев, автором проекта реставрации которой она являлась, но итоги раскопок собственно по Спасскому собору не получили отражения в ее отчете [Яганов, Энгватова, Рузаева, 2022. С.104–106]. Других материалов, в том числе текстовых, об этих археологических работах не обнаружено. По-видимому, убедительных следов домонгольского здания выявлено не было, и М.К. Каргер, не заинтересовавшись бесперспективным сюжетом, даже не оформил надлежащим порядком произведенные раскрытия.

Основываясь на скудном историографическом материале и общих наблюдениях, сообщенных в устных докладах Э.Д. Добровольской и Е.М. Караваевой⁵, облик Спасского собора довольно условно реконструировал Н.Н. Воронин. Он предполагал, что построенный из плинфы с белокаменными резными деталями «древний храм был несколько больше собора 1506–1516 гг., поставленного на его месте: его северная и восточная стены выступают к северу и востоку от оснований здания XVI в.», и допускал существование с южной стороны Спасского храма Входаиерусалимского придела, построенного в 1218 г. «в виде примыкавшей к нему или отдельно стоящей церкви — усыпальницы членов ярославского княжеского дома» [Воронин, 1962. С. 66]. Результаты раскопок М.К. Каргера 1958 г. Н.Н. Воронину были, видимо, неизвестны.

Суждения Н.Н. Воронина были взяты О.М. Иоаннисяном за принципиальную основу для реконструкции истории строительства Спасской церкви. Неясно, что более повлияло на принятие такого решения — непререкаемый авторитет ученого или стереотип о несомненной хронологической преемственности оснований зданий разных эпох, главенствующий в то время в науке. Но тем не менее результаты натурных исследований 1982–1983 гг. оказались жестко привязаны к архитектурно-археологическому этюду Н.Н. Воронина.

Принятый на вооружение О.М. Иоаннисяном постулат о сооружении Спасской церкви «1506–1516 гг.» на фундаменте начала XIII в. (при этом планировочная структура здания несколько не выбивается из типологического ряда аналогичных построек начала XVI в.) дополнен наблюдениями о его «трехслойности», указывающей на хронологические разрывы в процессе его устройства. При очевидной однородности (забутовка рвов разноразмерным валунником с последующей заливкой известково-песчаным раствором) О.М. Иоаннисян прослеживает три этапа его возведения, два из которых он привязывает к событиям 1216 и 1221 гг.; третий же относит к храму начала

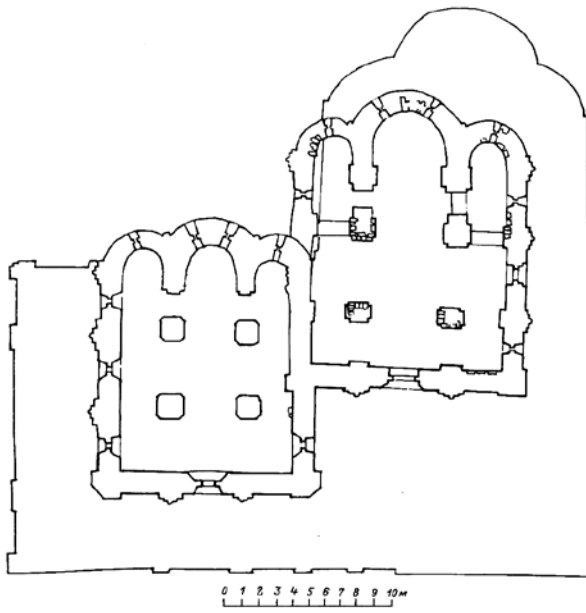
5 Возможно, их доклады, сделанные на отчетной сессии Ярославской реставрационной мастерской, послужили для Н.Н. Воронина основанием считать фундамент под зданием XVI в. домонгольским. На это же указывает А.И. Суслов: «...габариты древних фундаментов частично совпадают с фундаментами нового собора» [Суслов, Чураков, 1960. С. 26].

XVI в. Границами между ними является отложившийся в горизонтальных швах уголь, который автор связал с летописным пожаром Ярославля 1221 г. и легендарным — 1501 г. Кроме того, в разработанную временную шкалу введены еще два маркера — 1238 и 1658 гг., также представленные в стратиграфии «пожарными прослойками».

Ошибкой своих предшественников О.М. Иоаннисян полагает неверно определенную отметку материка, находящегося почти на полметра ниже отмеченного на чертежах 1958 г. Разница представляет собой «засыпку стерильным песком», выполненную после пожара 1221 г. Развивая эту тему, автор предполагает, что засыпка перекрыла уже заложенный в 1216 г. фундамент, который затем пришлось откапывать, повысив его на высоту слоя песка [Иоаннисян, 1997. С. 203]. Стратиграфические наблюдения внутри здания начала XVI в. привели к еще одному важному выводу — большая часть фундаментов 1216–1224 гг. была заложена не во рвах (как в северной апсиде), а в котловане, который затем засыпан тем же «стерильным песком»⁶. Далее тема использования этого материала выходит за пределы храма XIII в. Своеобразно интерпретируя итоги раскопок Н.Н. Воронина 1940 г. в Рубленом городе — детинце Ярославля, О.М. Иоаннисян считает установленным фактом засыпку таким же «стерильным песком» всей территории города и монастыря после пожара 1221 г.⁷ Не находя объяснения причин этого явления, он предоставляет «решать вопрос о появлении загадочного слоя песка климатологам» [Иоаннисян, 1997. С. 205]⁸.

Несколько озадачила исследователя находка близ трассы фундамента южной стены «церкви 1216–1221 гг. — начала XVI в.» фрагмента кладки из плинфы на фундаменте, «сложенном из булыжников без раствора»⁹, то есть разительно отличающемся по технологии от прослеженного ранее. Но и здесь был найден выход из положения — выявленный фрагмент интерпретирован как часть северной стены придельной церкви Входа в Иерусалим, с выступающими из нее внешней и внутренней лопатками и с откосом дверного проема. Различия в материале фундаментов объясняются гипотезой Н.Н. Воронина о ее строительстве в 1218 г., то есть в промежутке между

- 6 *Раппопорт П. А., Иоаннисян О. М.* Отчет о работах Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА СССР и Гос. Эрмитажа в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 2.
- 7 Учитывая, что пригородный до XVI в. Спасский монастырь находится почти в километре от Рубленого города. Границы Ярославля первой половины XIII в. археологически не установлены.
- 8 «Явлениями природы» О.М. Иоаннисян объясняет гибель Борисоглебской церкви 1287 г. в Ростове. Им выдвинута занятая гипотеза, что сооружения княжеского двора разрушены при «землетрясении» на Ростовском озере 1467 г., которое сопровождалось изменением береговой линии и частичным затоплением территории дворцового комплекса. Впоследствии здания дворца не восстанавливались, а церковь 1287 г. была засыпана изнутри, «причем с устройством гидроизолирующих глиняных замков» [Иоаннисян и др., 1997. С. 247].
- 9 Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 7.

ил.1 Спасо-Преображенский собор и церковь Входа в Иерусалим. XIII в. Реконструкция плана комплекса О.М. Иоаннисяна
 fig.1 The Transfiguration Cathedral and the Entry of Christ into Jerusalem Church 13th century. Reconstruction of the plan of the complex by O.M. Ioannisyana

закладкой фундамента Спасской церкви в 1216 г. и ее завершением в 1224 г. Казалось бы, наметились перспективы дальнейшей локализации этого «миниатюрного» придела, который Н.Н. Воронин считал княжеской усыпальницей [Воронин, 1962. С. 66].

Продолжение работ в 1986 г. сопровождалось открытием под церковью Ярославских чудотворцев XVII–XIX вв. конструкций домонгольского времени. Прогнозируемый «миниатюрный» придел Входа в Иерусалим, примыкавший с юга к Спасскому собору [Воронин, 1962. С. 66; Добровольская, Гнедовский, 1981. С. 38], оказался «довольно большим четырехстолпным храмом, превосходившим по размерам» саму Спасскую церковь [Иоаннисян, 1997. С. 217]. Стены начала XVII в. и приложенные к ним конструкции XIX в. частично опираются на фрагменты кладки XIII в., сохранившие местами более шести рядов плитки, что позволило автору реконструировать плановую структуру этого домонгольского здания [Иоаннисян, 1997. С. 224] [ил. 1].

Находки сезона 1986 г. если не привели к развалу концепции Воронина-Иоаннисяна, то, по меньшей мере, завели ее в тупик. Положение усугублялось еще и тем, что результаты раскопок 1982–1983 гг. уже были опубликованы [Иоаннисян, 1983. С. 56–57; Он же, 1984. С. 57–58; Он же, 1985. С. 158–161]. Из сложившейся ситуации просматривались два выхода — или же признать первоначальную версию, основанную на гипотезе Н.Н. Воронина, несостоятельной и отказаться от нее, или дополнять ее умозрительными построениями на базе вынужденных допусков в трактовке натуральных исследований.

Не подвергая сомнению незыблемость сформулированных ранее постулатов, то есть местоположение Спасской церкви начала XIII в., наличие под ней разновременного фундамента, дабы примирить их с результатами натур-

ных исследований, О.М. Иоаннисян допустил, что «северная стена (Входоиерусалимской церкви) была поставлена на фундамент стены Спасского собора, заложенного в 1216 г., но к моменту начала строительства Входоиерусалимской церкви еще не построенного. После постройки собора (в 1221–1224 гг.) его южная стена была возведена только в западной части как продолжение уже стоящей северной стены церкви Входа в Иерусалим»¹⁰. Описанную ситуацию иллюстрирует реконструкция плана, где оба храма небрежно и нелогично пристыкованы друг к другу, для чего стены заметно деформированы, наглядно демонстрируя надуманный характер этой планировки [Иоаннисян, 1997. С. 224].

Отвлечемся от истории создания и корректировки концепции и проанализируем ее фактическую сторону. Мы не будем пересказывать аргументацию, изложенную в наших предыдущих статьях, прокомментируем лишь положения, которые показались нам важными для общей картины результатов работ 1982–1986 гг. Во-первых, следует отметить небрежное отношение к письменным источникам и абсолютнейшее доверие к чужим их трактовкам. В целом содержащиеся в них сведения, не упоминаемые в летописях (особенно это касается раннего периода), нуждались в тщательной проверке, но этого не было сделано. Историография зиждется лишь на двух (!) летописных сообщениях [Иоаннисян, 1997. С. 199], все остальные факты представляют собой свободный пересказ краеведческих работ различного качества, впрочем, без их указания. Зато совершенно некритически воспринят краткий пассаж Н.Н. Воронина, — который, впрочем, тоже не затруднил себя подбором и анализом источников, но, как, вероятно, посчитал автор исследований 1982–1986 гг., сделал за него малоинтересную для археолога работу.

В качестве «косвенного свидетельства существования домонгольской церкви Входа в Иерусалим наряду с собором до 1501 г.» О.М. Иоаннисян вслед за Э.Д. Добровольской [Добровольская, 1963. С. 24–25] приводит клейма на полях иконы «Ярославские князья Федор, Давид и Константин в житии». Датировка «около 1463 г.» в подписи к иллюстрации 11¹¹, впрочем, относится не собственно к иконе, а к изображенному на клейме событию. Сама же икона написана в конце XVI в. [Масленицын, 1983. С. 28–29], и, даже принимая во внимание значительную степень условности архитектурных стаффажей в иконописи, по нашему мнению, изображенные здания соответствуют существовавшему в это время ансамблю из Спасского собора 1515 г. и меньшей по размеру перестроенной домонгольской церкви, связанной с ним галереей. Невозможно предположить, что мастер-иконописец спустя более чем столетие ставил перед собой задачу археологически точной реконструкции монастырских зданий на момент обретения мощей ярославских чудотворцев

10 Иоаннисян О.М. Отчет о работах Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитажа в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12454. Л. 1–2.

11 [Иоаннисян, 2022. С. 160]; в тексте ниже указана датировка иконы XVI в.

и располагал какими-то сведениями для ее решения; но даже если допустить такой вариант, на клеймах изображены отнюдь не два равновеликих объема, перерастающие один в другой. Икона, безусловно, интересна как пример трактовки архитектуры в средневековой живописи, но никоим образом не противоречит предложенной нами реконструкции строительной истории ансамбля и не может рассматриваться в качестве аргумента для ее опровержения.

Во-вторых, укажем на своеобразное обращение О.М. Иоаннисяна с материалами раскопок 1958 г. Не имея зафиксированных в текстах мнений М.К. Каргера и Е.М. Караваевой об их результатах, автор исследований излагает собственное видение того, что они могли обнаружить и как это истолковать, причем упрекая своих предшественников в якобы сделанных ими ошибочных наблюдениях. Возможно, автор, как и в случае с засыпками «стерильным песком» территории домонгольского Ярославля, обладает одному ему известными источниками, но ссылки на них не приводит.

Первоначальный вариант концепции, где во главу угла поставлен факт возведения на фундаменте XIII в. Спасской церкви начала XVI в., сложился еще до начала раскопок. В стратиграфию чудесно вписалась почти вся история ярославских пожаров от XIII до XVII в., которая отмечалась «прослойками угля» в швах между «разновременными» фундаментами и кирпичными полами. Хотя доказать это без датирующих находок и явного наличия самих «прослоек», прослеженных лишь в массиве фундамента (и то не везде), невозможно, но если не обращать внимания на подобные мелочи, хронологическая шкала для принятой в разработку воронинской заготовки была готова. Обладая этим орудием, можно было с легкостью толковать исторические события, привязывая к ним те или иные строительные мероприятия, что и делает автор. В этом отношении наглядна структура текстов отчетов 1982–1986 гг. — в первых строках излагается концепция, немного скорректированная по результатам предыдущего сезона, а затем предлагаются наблюдения, которые органически подтверждают ее или, по крайней мере, не выходят за «допустимые» рамки.

Очевидны ошибки и в организации исследований — проигнорирована необходимость изучения территории монастыря, что привело к превратному представлению о стратиграфии рассматриваемого участка. При описании материка за его верхнюю отметку О.М. Иоаннисян принимает моренные отложения, перекрытые сверху однородным светло-бурым песком, который воспринят им как «стерильная» засыпка после «пожара 1221 г.». Морена в виде крупного мокрого песка с прослойками твердой глины и галькой была прослежена в шурфе около центральной апсиды и в расчистке у южной стены Спасской церкви в ходе исследований ИА РАН. Влагоднасыщенность этих отложений не позволила ни в 1982–1986 гг., ни в 2008 г. подробно изучить подошву фундаментов — дно шурфов моментально заполнялось водой.

Горизонт монастырского освоения территории был прослежен нами в трех шурфах, заложенных к западу и югу от Спасского собора начала

XVI в. [Яганов, Энговатова, Рузаева, 2022. С.115–117]. Но здесь нет никаких следов пожаров 1221, 1238, 1501 гг., а стройка начала XIII в. отложилась в виде известково-кирпичных прослоек различной мощности, вдавленных в пахотный слой. Возведение собора 1216–1224 гг. и строительство начала XVI в. разделяет невнятный гумусированный пласт (от 10 до 20 см) без датирующего материала и, конечно, следов перипетий четырех бурных столетий.

Очевидно фиксируемый пожарный горизонт, относимый О.М. Иоаннисяном то к 1238, то к 1501, то к 1658 г., выявлен нами внутри разгрузочной арки, перекинутой между фундаментом южной стены и юго-восточным столбом церкви начала XVI в. По нему в грунте была вырезана опалубка этой арки, поэтому его определенно можно связать с пожаром, предшествовавшим возведению новой церкви. Но судя по раскопам 1980-х гг. и работам 2008 г., распространение этой прослойки имеет локальный характер и, видимо, не выходит за пределы границ четверика и апсид здания начала XVI в.

Крайне трудно было примирить с концепцией Н.Н. Воронина древнее кладбище, так некстати обнаруженное на площадке «Спасского собора 1216–1226 гг.». Как показали исследования 2008 г., церковный подклет сохранил (с утратами) двухслойные кирпичные полы начала XVI в., поэтому захоронения в нем позже этого времени следует признать невозможными¹², как и факт существования здесь кладбища до 1216 г. Вообще, наличие могил на важных для концепции участках видится неудобным для ее чистоты, поэтому их нарушения фундаментными рвами истолковываются весьма экстравагантно. В одном случае костяк «уходит под кладку фундамента XVI в.»¹³, в другом два погребения «устроены в тот период, когда древний собор был уже разрушен, а новый еще не был возведен, т.е. в промежутке между 1501 и 1516 г.»¹⁴.

Выявленные погребения зафиксированы схематично на чертежах в масштабе 1:20, иногда без прорисовки костяка и нивелировочных отметок или с нанесением лишь контуров могильной ямы. Нет описания и фиксации упомянутых находок — например, деталей кожаных пояса с бахромой и обуви в погребении № 5¹⁵. «Проблемные» могилы, не вписывающиеся в концепцию, показаны только на общей схеме в масштабе 1:100 (например, в раскопе 5)¹⁶.

Шурф 2008 г. прибавил к общей картине некрополя еще два погребения, перерезанные внешним краем фундаментного рва собора «1216–1224 гг.», что укрепило нас во мнении о строительстве каменного здания на участке ис-

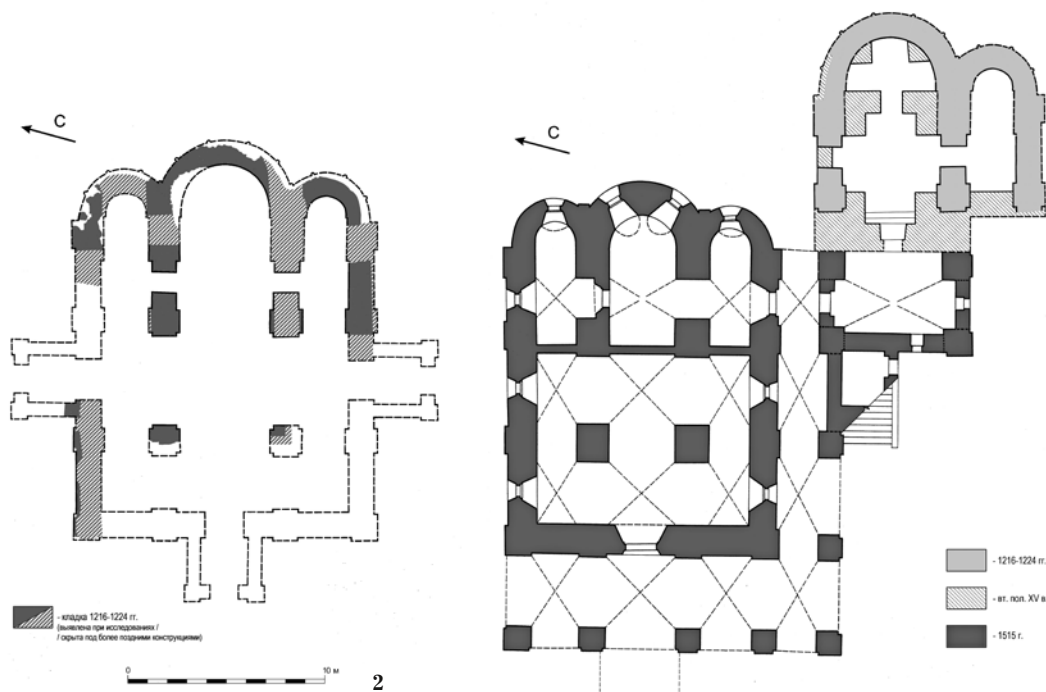
12 Хотя автор исследований относит погребение, выявленное под северной разгрузочной аркой, к XIX в. Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 3.

13 Иоаннисян О.М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в соборе Спасского монастыря в Ярославле в 1982 г. // Копия в ЯМАХМЗ. Без номера. Л. 5.

14 Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 6.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Л. 19.

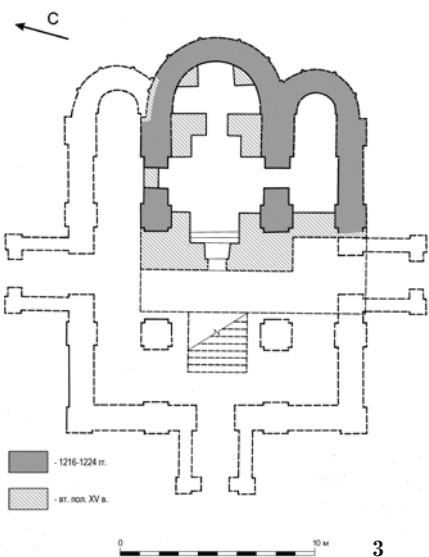

ил.2 Графическая реконструкция плана Спасской церкви 1216–1224 гг.

fig.2 Graphic reconstruction of the plan of the Church of the Saviour 1216–1224

ил.3 Графическая реконструкция плана нижнего яруса Спасской церкви во второй половине XV – начале XVI в.

fig.3 Graphic reconstruction of the plan of the lower tier of the Church of the Saviour in the second half of the 15th – early 16th centuries

ил.4 Графическая реконструкция плана нижних ярусов Спасской и Входаиерусалимской церквей после 1515 г.

fig.4 Graphic reconstruction of the plan of the lower tiers of the Transfiguration and Entry of Christ into Jerusalem Churches after 1515

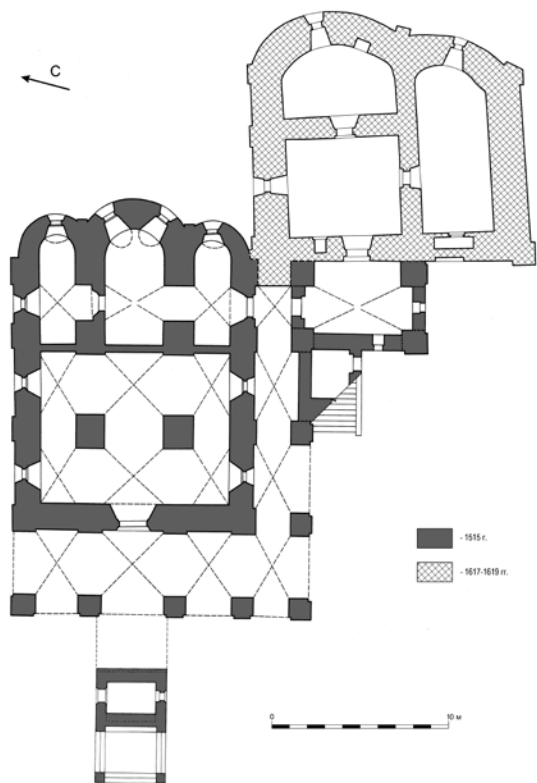
пользовавшегося задолго до начала XVI в. монастырского кладбища, то есть возведение существующего здания Спасского собора 1515 г. одновременно с закладкой его фундамента, выполненной не ранее этого времени. Косвенно об этом свидетельствует состав засыпки выявленных нами ранних могильных ям, содержащий крайне мало включений извести и кирпича, что может говорить об отсутствии активной строительной деятельности в данном месте на начальном этапе формирования кладбища, то есть в 1210-х гг.

И наконец, невозможно не прокомментировать «отход от догмы» — изначальной концепции строительства начала XIII в. — по случаю вновь открывшихся обстоятельств: обнаружения в 1986 г. стен большого домонгольского храма вместо ожидаемого «миниатюрного» придела Входа в Иерусалим. Предложенная трактовка показывает непонимание исследователем особенностей строительной практики. Участок фундамента, на котором должна покоиться стена «придела» 1218 г., не «трехслойный», как это было подмечено ранее, а выполнен одновременно и имеет совершенно другие материально-строительные характеристики (с чем солидарен и сам исследователь) и отметки [Яганов, Энговатова, Рузаева, 2022. С.129]. Поэтому он никак не идентифицируется с конструкцией первого этапа домонгольского строительства, то есть с 1216 г.

В принципе эта натяжка уже полностью разрушает суть новой корректировки концепции, если принять во внимание не только элементарные логические, но и конструктивные соображения о возможности такой этапности [Яганов, Рузаева, 2006. С.365]. Поэтому надлежит признать, что предлагаемое изменение первоначальных положений о храме начала XIII в., при всей хаотической и надуманной последовательности организации средневекового строительства, кажущейся О.М.Иоаннисяну непрерывным и противоречивым творческим процессом, воспринимается неоднозначно.

И последнее. Отметим крайне небрежное отношение к графической фиксации результатов, в частности использование планов зданий, выполненных в 1958 г., без необходимой проверки. Вероятно, предшественники (Э.Д.Добровольская и Е.Г.Ефремов) не имели практических возможностей сделать качественные обмеры, поэтому при проведении археологических раскопок была необходима серьезная корректировка этой документации. А так как привязки выявленных археологических фрагментов выполнялись непосредственно в габаритах помещений, при камеральной обработке это создавало вероятность натяжек и искажений. И наконец, отсутствие точной взаимной привязки планов обеих церквей негативно отразилось на качестве выполненных реконструкций, но между тем наглядно показало парадоксальность представленной исследователем концепции.

Заканчивая обзор затянущейся на шестнадцать лет дискуссии, кратко сформируем наши выводы. Безусловно, обнаружены фрагменты стен и фундаментов одного домонгольского храма (расположенного в основании ныне существующей церкви Ярославских чудотворцев) [ил.2]. Достоверными письменными источниками (летописями) фиксируется начало строительства

ил. 5 Графическая реконструкция плана нижних ярусов Спасской и Входаиерусалимской церквей после 1619 г. По материалам Э.Д. Добровольской

fig. 5 Graphic reconstruction of the plan of the lower tiers of the Transfiguration and Entry of Christ into Jerusalem Churches after 1619. Based on the researches of E. D. Dobrovolskaya

и освящение одного храма — Спасской церкви, к северу от которой стало формироваться монастырское кладбище. Постепенно ветшающий храм укрепляют контрфорсами, фундаменты которых выявлены вдоль северной стены и у северо-западного угла четверика. Но этого оказывается недостаточно, и в середине XV в. происходит более радикальная перестройка здания с уменьшением его объема; по всей вероятности, с этими работами связано обретение мощей князей-чудотворцев, ставших затем главной святыней монастыря [ил. 3].

Спасский собор 1515 г. был построен к северо-западу от древнего, на участке, прежде занятом монастырским кладбищем, на единовременном фундаменте. При этом фундамент и нижние ряды кладки северной стены домонгольской церкви не были разобраны, а включены в состав новой конструкции, верхний обрез которой располагался на более высокой отметке [ил. 4]. Древняя церковь, в которой хранились мощи, была объединена с собором начала XVI в. галереей; этот храм перестроили на старом основании в 1617–1619 гг. с сохранением мемориальной двухапсидной планировочной структуры, сложившейся во второй половине XV в. [ил. 5].

По нашему мнению, в такую последовательность событий можно уложить все сделанные при архитектурно-археологических исследованиях на-

блюдения, обходясь без отсылки к загадочным геологическим катаклизмам, неосуществимой в реальных условиях строительной технологии и не имеющим внятного логического объяснения реконструкциям. Если же принять за краеугольный камень «весьма распространенный в древней Руси обычай сохранения первоначального места даже при коренной перестройке церквей» [Добровольская, 1963. С. 25] как непререкаемый постулат, то приходится прибегать к сложным и запутанным построениям, дабы интерпретировать наблюдения в соответствии с заранее сделанным выводом. При этом «неудобные» факты отодвигаются на задний план либо обходятся молчанием; к примеру, в публикациях уделено недостаточно внимания принципиально важным участкам стыка конструкций XIII и XVI вв. в южной части подклета существующего собора. Старательно умалчивается наличие погребений и мощной валунной кладки оснований контрфорсов в интерьере (согласно гипотезе О.М. Иоаннисяна) домонгольского Спасского собора. Автор декларативно повторяет собственные утверждения, не пытаясь объяснить ни «заговор молчания» в письменных источниках о Входаиерусалимской церкви, ни причины не поддающегося архитектурной логике объемно-планировочного решения. В истории как русской, так и византийской архитектуры известны примеры храмов, имеющих общую стену, но никогда соседство двух объемов не выглядело столь странным и неорганичным, как в данном случае. Причем речь идет о строительстве не в стесненных городских условиях, или о соблюдении традиций и особенностей сакральной топографии места — но в новооснованном загородном монастыре, грубо говоря, «в чистом поле».

Как мы убедились, во главу изучения памятника О.М. Иоаннисяном поставлен не анализ результатов полевых археологических работ, а сформировавшаяся еще до их начала концепция, целиком основанная на авторитетном, но, увы, ошибочном мнении Н.Н. Воронина. Но сталкиваясь с непредвиденным, как в случае с «миниатюрным приделом», оказавшимся крупной плинфяной церковью, уже сформировавшаяся и устоявшаяся версия вдруг рассыпается в прах, а попытки ее реанимировать приводят к нелепым и парадоксальным объяснениям; не выручают даже стратиграфические ухищрения. Спасая разваливающуюся концепцию, автор одновременно конструирует свой фантастический храм, который тоже должен неизбежно рухнуть. Заранее выстроенные и даже декларированные «результаты» сами превратились в догму и, наверное, только убежденность в своей правоте помешала автору от них отказаться.

ЛИТЕРАТУРА

- Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 287 с.
- Анкудинова Е.А., Мельник А.Г. Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря в Ярославле. М.: Северный паломник, 2002. 104 с.
- Блажевская С.Е. Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле. Фотоальбом. М.: Северный паломник, 2003. 128 с.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т.2. М.: Из-во АН СССР, 1962. 557 с.
- Выголов В.П. Ярославль. Памятники архитектуры и искусства: Альбом. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1994. 320 с.
- Добровольская Э.Д. Входоиерусалимская церковь ярославского Спасского монастыря // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М.; Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. Вып. 4. С. 19–43.
- Добровольская Э.Д., Гнедовский Б.В. Ярославль. Тутаев. М.: Искусство, 1981. 3-е изд. (Архитектурно-художественные памятники). 310 с.
- Иоаннисян О.М. Исследования Спасского собора в Ярославле // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1983. С. 56–57.
- Иоаннисян О.М. Раскопки в Ярославле и в Угличе // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1984. С. 57–58.
- Иоаннисян О.М. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Дубов И.В. Города величием сияющие. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. Приложение 2. С. 140–163.
- Иоаннисян О.М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 199–228.
- Иоаннисян О.М., Торшин Е.Н., Зыков П.Л. Церковь Бориса и Глеба в Ростове Великом // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 229–250.
- Иоаннисян О.М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // Дворец: К 90-летию Ангелины Сергеевны Смирновой: сб. ст. / Отв. ред. М.А. Орлова. Гос. ин-т искусствознания, 2022. С. 152–163.
- Масленицын С.И. Ярославская иконопись. 2-е изд. М.: Искусство, 1983. 45 с.
- Никитин И.В. Ярославль: из истории археологического изучения города // Археология Ярославского края. Рыбинск: Б.и., 1998. С. 11–18.
- Рузаева Е.И., Энговатова А.В., Яганов А.В. Белокаменная резьба в декоре фасадов храмов Ярославля начала XIII в. (наблюдения и предварительные выводы) // КСИА. М.: ИА РАН, 2020. С. 294–304.
- Рутман Т.А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2005. 669 с.
- Сулов А.И., Чураков С.С. Ярославль. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. 277 с.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И. К вопросу об истории Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле // Археология: история и перспективы. Вторая межрегион. конф. Сб. ст. Ярославль: ЯМАХМЗ, ГМЗ «Ростовский кремль», 2006. С. 363–391.
- Яганов А.В., Энговатова А.В., Рузаева Е.И. Архитектурно-археологические исследования Спасского собора ярославского Спасо-Преображенского монастыря в 2008 году // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 18. С. 104–119.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И., Энговатова А.В. К характеристике ярославской плинфы начала XIII в. и строительства из нее (предварительные наблюдения) // КСИА. М.: ИА РАН, 2020. С. 252–268.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Яганов Андрей Викторович — научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. yagav@yandex.ru
- Рузаева Екатерина Ивановна — научный сотрудник Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. ruzaeva-ei@mail.ru

AUTHORS

- Yaganov, Andrey Viktorovich — research Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation. yagav@yandex.ru
- Ruzayeva, Ekaterina Ivanovna — research Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation. ruzaeva-ei@mail.ru

REFERENCES

- Agrafonov P.G., Prazdnikov V.V., Spiridonova E.V. *Istoriia iaroslavskoi arkheologii (History of Yaroslavl archeology)*. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 287 p. (in Russian).
- Ankudinova E.A., Mel'nik A.G. *Spaso-Preobrazhenskii sobor Spasskogo monastyr'ia v Iaroslavle (The Transfiguration Cathedral of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl)*. Moscow, Severni palomnik Publ., 2002. 104 p. (in Russian).
- Blazhevskaja S.E. *Spaso-Preobrazhenskii monastyr' v Iaroslavle. Fotoal'bom (Transfiguration Monastery in Yaroslavl. Photo album)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2003. 128 p. (in Russian).
- Dobrovol'skaia E.D. Entry of Christ into Jerusalem Church of the Yaroslavl Spassky Monastery. *Pamiatniki kul'tury. Issledovanie i restavratsiia (Cultural monuments. Research and restoration)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1963, vol. 4, pp. 19–43 (in Russian).
- Dobrovol'skaia E.D., Gnedovskii B.V. *Iaroslavl'. Tutaev (Yaroslavl. Tutaev)*. Moscow, Iskustvo Publ., 1981. 310 p. (in Russian).
- Iaganov A.V., Engovatova A.V., Ruzaeva E.I. Architectural and archaeological researches of the Transfiguration Cathedral of the Yaroslavl Transfiguration Monastery in 2008. *Arkheologiiia Podmoskov'ia. Materialy nauchnogo seminar (Archeology of the Moscow region. Materials of the scientific seminar)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., vol. 18, 2022, pp. 104–119 (in Russian).
- Iaganov A.V., Ruzaeva E.I. On the question of the history of the Transfiguration Cathedral of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl. *Arkheologiiia: istoriia i perspektivy. Vtoraia mezhregional'naia konferentsiia. Sbornik statei (Archeology: history and prospects. The second interregional conference. Collection of articles)*. Yaroslavl, Iaroslavskii muzei-zapovednik Publ., 2006, pp. 363–391 (in Russian).
- Iaganov A.V., Ruzaeva E.I., Engovatova A.V. On the characteristics of Yaroslavl brick of the beginning of the 13th century and construction from it (preliminary observations). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2020, pp. 252–268 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Researches of the Spassky Cathedral in Yaroslavl. *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda (Archaeological discoveries of 1982)*. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 56–57 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Excavations in Yaroslavl and Uglich. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological discoveries of 1983)*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 57–58 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Architecture of North-Eastern Russia of the 12th–13th centuries. Appendix 2 in the book: Dubov I.V. *Goroda velichiem siiaiushchie (Cities shining with greatness)*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1985, pp. 140–163 (in Russian).

- Ioannisian O.M. The complex of the oldest buildings of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus'. Vizantiia. Balkany. XIII vek (Old Russian Art: Russia. Byzantium. The Balkans. 13th century)*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, pp.199–228 (in Russian).
- Ioannisian O.M., Torshin E.N., Zykov P.L. The Church of Boris and Gleb in Rostov the Great. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus'. Vizantiia. Balkany. XIII vek (Old Russian Art: Russia. Byzantium. The Balkans. 13th century)*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, pp.229–250 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Once more on the most ancient temples of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl. *Δωρεά: K 90-letiiu Engeliny Sergeevny Smirnovoi: sbornik statei (DOREA. To the 90th anniversary of Engelina Sergeevna Smirnova: collection of articles)*. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia Publ., 2022, pp.152–163 (in Russian).
- Maslenitsyn S.I. *Iaroslavskaia ikonopis' (Yaroslavl icon painting)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. 45 p. (in Russian).
- Nikitin I.V. Yaroslavl: from the history of the archaeological study of the city. *Arkheologiya Iaroslavskogo kraia (Archeology of the Yaroslavl region)*. Rybinsk, without a publisher, 1998, pp.11–18 (in Russian).
- Rutman T.A. *Khramy i sviatyni Iaroslavlia (Temples and shrines of Yaroslavl)*. Yaroslavl, Izdatel'stvo Aleksandra Rutmana Publ., 2005. 669 p. (in Russian).
- Ruzaeva E.I., Engovatova A.V., Iaganov A.V. White stone carving in the decoration of the facades of the temples of Yaroslavl of the beginning of the 13th century (observations and preliminary conclusions). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2020, pp.294–304 (in Russian).
- Suslov A.I., Churakov S.S. *Iaroslavl' (Yaroslavl)*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, arkhitekture i stroitel'nym materialam Publ., 1960. 277 p. (in Russian).
- Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov (Architecture of North-Eastern Russia of the 12th–15th centuries)*, vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 557 p. (in Russian).
- Vygodolov V.P. *Iaroslavl'. Pamiatniki arkhitektury i iskusstva: Al'bom (Yaroslavl. Monuments of architecture and art. Album)*. Yaroslavl, Verkhne-Volzhsкое knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1994. 320 p. (in Russian).